

ПОСЛЕДНИЙ КРИЗИС

В условиях военного поражения Грозный окончательно утратил доверие к своим боярам и воеводам. Разрядный приказ официально заявлял, будто причиной падения Полоцка была

измена воевод. О том же царь писал в письмах к королю Стефану Баторию. Опасаясь боярской измены, Грозный стал приставлять к земским воеводам своих личных эмиссаров из числа доверенных «дворовых» людей. Но единственным результатом этой меры было пленение одних эмиссаров и гибель других.

Перед лицом тяжелых испытаний царь медлил, колебался и наконец возобновил тайные переговоры с английским двором. Слухи об этих переговорах проникли в земщину и углубили раздор в верхах. Конфликт получил широкую огласку и стал предметом дипломатических объяснений за рубежом. Царский посол официально заявил английской королеве, что в московских людях была «шатость», но замеченные в «шатости» люди, «вины свои узнав, государю били челом и просили у государя милости, и государь им милость свою показал».

Посольский приказ постарался смягчить выражения, давая разъяснения насчет внутренних неурядиц. То, что на дипломатическом языке получило название шатости, было в глазах подозрительного самодержца государственной изменой. Военные поражения бросили тень на царя, осуществлявшего общее руководство военными действиями. Желая снять с себя ответственность, глава государства обвинил во всех неудачах своих воевод.

Обвинения были предъявлены воеводам уже после сдачи крепостей Полоцка и Сокола. Согласно донесениям литовских лазутчиков, царь произнес гневную речь, обращаясь к высшим командирам: «Вы, нечестивый род, говорили, что Полоцк и Сокол неприступны и что король не сможет захватить эти замки, и вот Полоцк и Сокол потеряны, воины и все другие люди повергнуты». Как и после сожжения Москвы, Грозный возложил вину за катастрофу на главу думы князя Ивана Мстиславского. Он избил боярина палкой, приговаривая: «Ты, старый пес, до сих пор проникнутый литовским духом, ты мне говорил, чтоб я послал тебя с сыновьями в Полоцк для противодействия польскому королю. Ясно мне (теперь) твое коварство: ты хотел нарушить присягу и подвергнуть крайней опасности моих сыновей».

Виновными у царя оказались и те, кто просил его не беспокоиться за судьбу Полоцка, и те, кто предлагал послать на выручку крепости главные силы под командой наследника.

Последующие военные неудачи побудили Грозного подвергнуть главу думы новым унижениям. По царскому приказу князь Иван Мстиславский и двое его сыновей публично покалялись, что перед царем «во многих винах преступили».

Источником постоянного беспокойства для царя оставался двор царевича Ивана. Отец не забыл подозрений, возникших у него в конце опричнины.

Сорока восемь лет от роду Грозный тяжело занемог. В Слободу были спешно вызваны старшие бояре и духовенство. Потеряв надежду на выздоровление, Иван IV объявил, что «по себе на царство Московское обрал сына своего старшего князя Ивана».

Современные наблюдатели отмечали популярность царевича Ивана. С его именем связывались надежды на перемены к лучшему. Именно это и беспокоило самодержца. Его доверие к 27-летнему сыну поколебалось. По словам англичанина Горсея, «царь опасался за свою власть, полагая, что народ слишком хорошего мнения о его сыне».

От отца наследник воспринял убеждение, что московская династия происходит по прямой линии от римских императоров. Так же свято он верил в то, что члены династии призваны защищать чистоту православной веры. «Колена Августова от племени Варяжского» — так затейливо называл себя «многогрешный» Иван Иванович.

Грозный позаботился об образовании царевича. Наследник слыл книжником. В 1579 г. монахи Антониево-Сийского монастыря просили государя о канонизации основателя их обители Антония и выразили пожелание, чтобы канон новому святому написал царевич Иван. Наследник не только написал канон, но и взялся исправить текст «Жития Святого Антония», поскольку представленное сочинение показалось ему недостаточно торжественным: «Зело убо суще в легкости написано». Исправления свидетельствовали, что царевич владел пером и

хорошо знал Священное Писание и житийную литературу (Б.Н. Флоря).

Царевич Иван лишился матери в шесть лет, и с этого времени отец не отпускал его от себя. Памятуя о своем детстве, Иван IV стал хлопотать о его приобщении к делам управления с детских лет. Он заставлял сына часами высиживать на посольских приемах, брал в военные походы и на публичные казни.

Любопытные сведения о царевиче сообщает Альберт Шлихтинг. Лейб-медик Лензей пользовался его услугами как переводчика при лечении наследника. Толмач наблюдал за взаимоотношениями отца и сына вблизи.

Сочиня памфлет на «тирана Васильевича», Шлихтинг, вне всякого сомнения, старался бросить тень и на наследника. По его словам, старший сын «не непохож» на отца своими добродетелями. Иначе говоря, он столь же кровожаден. Однако доказать свое утверждение Шлихтинг, по-видимому, не мог. Он подробно описал, как Грозный казнил конюшего Федорова, как заколол старика на Поганой луже. Сын присутствовал на экзекуции, но о его участии в убийствах нет и речи.

В 1570 г. царь велел вывести из тюрьмы пленных поляков и ударил одного из них копьём. Поляк успел схватить древко и попытался вырвать оружие из рук Ивана. Царь призвал на помощь сына, и тот поразил жертву. Случай был исключительный.

Недостающие факты Шлихтинг заменил описанием того, как Иван Иванович скрежетал зубами и ударял посохом тела казненных, громко укоряя их в измене государю. Впечатляющими подробностями насчет скрежета зубового, собственно, и исчерпывались все доказательства жестокости царевича.

Самодержец требовал, чтобы бояре и придворные собственноручно карали изменников. Кровавопролитие создавало круговую поруку. Но это правило не распространялось на царевича.

Сделав сына соправителем, царь позаботился о том, чтобы разделить роли членов семьи. Сам он выступал как беспощадный и суровый судья, наказующий подданных невзирая на лица. Сыну же он отвел роль милостивого государя, не запят-

нанного кровью. Таким должен был вступить на трон Иван V Иванович. Имея популярного наследника, пекущегося о законе и справедливости, монарх мог не беспокоиться, что подданные будут искать себе другого государя.

Внимание исследователей давно привлекали наставления царя из текста его духовного завещания. Сами по себе наставления были здравыми, но в устах Грозного они казались необъяснимыми.

Государь настоятельно советовал наследникам не злоупотреблять опалами: «А каторые (люди) лихи, и вы бы на тех опалы клали не вскорее, по разсуждению, не яростию». Монарх призывал творить прощение подданным по «Апостолу»: «Так бы и вы делали о всяких опалах и казнях, как где возможно, по разсуждению, на милость претворяли».

Полагают, что в приведенных словах заключалось важное признание, косвенное осуждение собственных деяний периода опричнины. Это едва ли справедливо. Грозный не имел в виду собственную персону. Он описал точно и недвусмысленно роль, которую сам же отвел соправителю и наследнику.

Сказание Шлихтинга тенденциозно. Большого доверия заслуживают его письма. В одном из них он упомянул о том, что после новгородского похода в царской семье произошел раскол: «Между отцом и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные лица с благосклонностью относятся к отцу, а многие к сыну, и сила в оружии». Игнорировать это свидетельство было бы непростительно.

Вспомним, что произошло после разгрома Новгорода. Грозный, по его собственному признанию, задумал ввести в Москву опричное войско и учинить в земской столице такой же погром, какой он учинил в Великом Новгороде. Затея была рискованная. В Москве располагался многотысячный стрелецкий гарнизон, и там же стояли тысячи дворов, принадлежащих детям боярским. Все они были хорошо вооружены и не стали бы равнодушно взирать на то, как опричники грабят их подворья и слободы.

Когда земские бояре исчерпали все средства, чтобы отвлечь самодержца от его планов, тогда они прибегли к заступничеству наследника — милостивого государя. Царь объявил народу во время казней на Поганой луже, что оставил свое намерение разгромить Москву.

Царевич Иван старался следовать советам отца и хорошо усвоил свою роль. Ко времени тяжелой болезни государя в 1579 г. Иван Иванович пользовался большей популярностью, чем сам монарх.

К концу жизни Грозный стал быстро дряхлеть, тогда как его сын достиг «мужественной крепости» и, как «инрог, злобно дышал огнем своей ярости на врагов» (дьяк Иван Тимофеев). Царевич давно достиг зрелого возраста. Ему минуло 27 лет. Мужество наследника еще не подвергалось испытанию, но он прислушивался к мнению опытных воевод.

Полная пассивность Грозного прямым путем вела к военной катастрофе. Сознание этого все шире распространялось в русском обществе. Царь строго-настрого запретил своим воеводам вступать в сражение с неприятелем. Их бездеятельность давала возможность полякам и шведам завоевывать крепость за крепостью. Гарнизоны, брошенные на произвол судьбы, были обречены на истребление.

В источниках можно найти сведения о том, что наследник просил отца дать ему войско, чтобы идти на выручку осажденному гарнизону Пскова. Местный летописец записал известие, что храброго царевича отец «остнем поколол, что ему учал говорить о выручении града Пскова». Иностранные хронисты изложили эпизод с красочными подробностями. Гейденштейн утверждал, будто сын обвинил отца в трусости, имея в виду военные поражения. Когда Иван IV, по обыкновению, наслаждался видом сокровищ, наследник якобы объявил ему, что «предпочитает сокровищам царским доблесть, мужество, с которыми... мог бы опустошить мечом и огнем его владения и отнял бы большую часть царства».

Независимо от воли царевича его двор как магнит притягивал недовольных.

* * *

За полгода до кончины царевича в Польшу бежал родственник известного временщика Богдана Бельского Давид, который рассказал полякам, что московский царь не любит старшего сына и нередко бьет его палкой. Ссоры в царской семье случались беспрестанно по разным поводам. Деспотичный отец постоянно вмешивался в семейные дела взрослого сына. Он заточил в монастырь первых двух жен наследника — Евдокию Сабурову и Петрову-Соловую, которых сам же ему выбрал. Третью жену, Елену Шереметеву, царевич, возможно, выбрал сам: царю род Шереметевых был противен. Один из дядей царевны Елены был казнен по царскому указу, другой, которого царь называл «бесовым сыном», угодил в монастырь. Отца Елены Грозный всенародно обвинил в изменнических сношениях с крымским ханом. Единственный уцелевший дядя царевны попал в плен к полякам и, как доносили русские гонцы, не только присягнул на верность королю, но и подал ему предательский совет нанести удар по Великим Лукам. Боярская «измена» снова в который уже раз вползла в царский дом.

Последняя ссора царя с сыном разыгралась в Александровской слободе, где семья, как обычно, проводила осень. Однажды Грозный застал сноху — царевну Елену — в одной рубашке на лавке в жарко натопленной комнате. (По тогдашним понятиям женщина считалась вполне одетой только тогда, когда на ней было никак не меньше трех рубах.) Елена была беременна, но царь не ведал жалости. Он прибил сноху. От страха и побоев у царевны случился выкидыш. Она не доносила мальчика.

Иван Иванович пытался защитить жену. Он схватил отца за руки, тогда тот прибил и его. Эту сцену описал иезуит Поссевино, прибывший в Москву вскоре после похорон царевича. Ему стоило большого труда узнать подробности разыгравшейся трагедии. Один итальянец-толмач, находившийся в Слободе во время ссоры в царской семье, сообщил ему, что царевич был очень тяжело ранен посохом в голову у виска, от раны он и умер. Толмач слышал дворцовые пересуды, но насколько верными они были?

Англичанин Джером Горсей, имевший много друзей при дворе, описывает гибель наследника несколько иначе. По его словам, Грозный в ярости ударил сына жезлом в ухо, да так «нежно», что тот заболел горячкой и на третий день умер. Горсей знал определенно, что Иван Иванович умер от горячки и не был убит на месте смертельным ударом в висок. Горсею вторил осведомленный польский современник хронист Гейденштейн. Он утверждал, что наследник от удара посохом или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в лихорадку, от которой и умер. Примерно так же описал смерть царевича русский летописец: «Яко от отца своего ярости прията ему болезнь, от болезни же и смерть...»

Какая из двух версий смерти царевича Ивана верна? Ответить на этот вопрос помогает подлинное царское письмо к земским боярам, покинувшим Слободу после совещания с царем 9 ноября 1581 г. «...Которого вы дня от нас поехали, — писал боярам Грозный, — и того дни Иван сын разнемогся и нынече конечно болен... а нам, докудово Бог помилует Ивана сына, ехати отсюды невозможно...»

Итак, роковая ссора произошла в день отъезда бояр. Минуло четыре дня, прежде чем царь написал письмо, исполненное тревоги по поводу того, что Иван-сын совсем болен. Побои и страшное нервное потрясение свели царевича в могилу. Он впал в горячку и, проболев 11 дней, умер. Отец от горя едва не лишился рассудка. Он разом погубил сына и долгожданного внука. Его жестокость обрекла династию на исчезновение.